

К 85-летию Александра Овчинникова

Давным-давно когда-то в руки мне пала небольшая картонка. Такие обычно художники используют для мимолётных, бросовых этюдов. На ней была изображена стена деревенского сарая, заваленная сугробами. Белоснежное, рафинадное сияние постепенно снижалось в мягкую, сиренево-серую, воздушно-сквозную тень, густеющую прямо на глазах и осе-

Георгий САТАЛКИН

Ода художнику

дающую в тёмно-плотные, с синева-тёмным, чёрно-лиловые цвета. Цвета тлена.

Чувствовалось, этот маленький шедевр написан буквально на одном вздохе, на прыжке в высоту, в небеса. Кисть художника по картине летала, выделяла пирозы, опьянённая счастьем творчества. Какие лёгкие, пузырящиеся воздухом мазки, какие ритмы, противоречивые слияния, какое колдовство красок, превращающее разброд в сложнейшую цветовую гамму! И слышится музыка хрустальной капели, и пахнет как — пахнет прогретой солнцем свежестью, чистотой, небом!

О, сколько глубокого смысла открылось мне тогда в этом крохотном этюде! Всемирные силы столкнулись на кусочке картона: силы новизны и силы тлена, и всё это в яркой симфонии цвета, в солнечном пламени. Кто художник? Где автор? Проведите меня к этому человеку! Мне назвали имя: Александр Овчинников. И привели к нему в мастерскую. Это сделал поэт Валерий Кузнецов.

Была сырая, свежая, ветреная весна с солнечным припёком в тихих углах. Мы были в только что извлечённых из нафталинового заточения демисезонных пальто. Мастерская художника, довольно вместительная квадратная комната, вся сверху донизу была загромождена разнокалиберными полотнами в рамах и без них, начатых и законченных, и девственно белеющих грунтовыми. На полу чуть ли не кучей — на картоне, на крошечных подрамниках и Бог знает ещё на чём — этюды, заготовки, наброски, различные “пробы пера” — ну, просто глаза врассыпину!

Узкая дорожка среди этих завалов вела к рабочему месту художника — к мольберту, к ящичку с тюбиками красок, к кувшину с веером разнообразных кистей, к флаконам и флакончикам с льняным или ореховым маслом, лопаточкам, мастихинам, гибким ножам и ещё всяким разным профессиональным причудам.

Плечистый, под два метра ростом, Валерий Кузнецов, увлечённый, повернулся к очередному шедевр художника и пола его светло-серого, с чёрными нитяным штрихом пальто сделалась зелёной — на мольберте наисвежайшее полотно мастера стояло. Пальто Валерий Николаевич очистил авиационным бензином. Но в памяти моей эпизод этот невыводим никаким растворителем. Мне кажется, что я Александр Ивановича знаю всю свою жизнь. Живопись его, необычайно колористическая, всегда перед моими глазами. Она — со мной, она — во мне, помогает верить, думать, работать.

Овчинников прошёл суровую жизненную школу. Мальчишкой в войну пахал, сеял, косил на колесном, без кабины, тракторе с рулячкой, тугой для пуска мотора. Знает, что такое голод, знает вкус чёрного, из последней муки замешанного хлеба. Знает тоску пустынных осенних полей и запоздалых работ в них. Откуда у этого сельского, с мозолистыми руками, подростка взялась тяга краскам, к творчеству? Что родило желание изобразить увиденное и тем самым выразить... кого?

Себя? Нет, не себя как такового, Шурку Овчинникова, появившегося на свет в со- ломе на русской печке, а то высшее, то Божественное, что появилось в груди.

Природа наделила его удивительным чувствованием цвета, мастеровитой рукой, безошибочным вкусом. Но и не это главное. Главное, что всё увиденное он глубоко переживал в своем сердце и пережива- ния эти стремился выразить красками.

Ему нужно было учиться. Нужна была профессиональная среда. И вот для того, чтобы вырваться из подневольной после- военной деревни, он пишет портрет ди- ректора МТС. И тот, поражённый талан- том тракториста, выносит работу на суд общего собрания механизаторов, и они единогласно голосуют: отпустить пареня

ка в Оренбург, пусть он там “на художника учится”.

Тяга к знаниям, к постижению тайны мастерства у него непреходящая. Особо- но много ему дала работа на творческих

Академических дачах Союза художников СССР. Здесь он трудится на этюдах, на постановочных сеансах рядом с признан- ными, маститыми творцами, академиками живописи братьями Ткачёвыми — Алексеем и Сергеем, Валентином Сидоровым, Юрием Кугачем и другими. “Пусть учится” — напутствовали его колхозные работяги. И он поражает всех неистовым трудолю- бием, неистощимой любознательностью. Он узнаёт, как соблазнительна и коварна краснота в живописи и как отличить её от подлинной красоты, и каким трудом ос- ваиваются фундаментальные законы пре- красного в изобразительном искусстве.

Широкое видение изображаемого на по- лотне — это тайна искусства, открывается она немногим, — учил его, и он упорно, самозабвенно вырабатывает его в себе. Самое трудное в живописи — передать близкие друг к другу тона. Не рука, не кисть, а глаз художника трудится интен- сивнее всего. Он теряет остроту, тончай- шие переливы цвета ускользают, уходит из-под его надзора. Отпусти глаз, осво- ди его от усиленной концентрации, — де- литься с ним опытом. — Улови, возьми взглядом целое и тогда почувствуешь, увидишь то, что ищешь, к чему стремишь- ся из самой глубины своего замысла.

А силует? Сколько труда положено на освоение этого элемента изобразительно- го искусства!

Он мог по 10-12 часов не отходить от мольберта. Этюды, натюрморты, пленер, работа с живой натурой, портреты, на- конец, многофигурные композиции. Талант и труд — близнецы-братья. Только их сопря- жение даёт положительный результат. Не часы, не месяцы — годы, десятилетия са- мозабвенного, самоотверженного труда.

Однажды компания художников и писа- телей, вдохновенно отмечая какое-то культурное мероприятие, перебрала “нор- му” горячительного. Утром, проводив свою жену в командировку, я с железно-

дорожного вокзала заехал домой к Алек- сандру Ивановичу узнать, как он себя чув- ствует. Болеет, думаю, человек, страдает после вчерашних возлияний.

Ничего подобного! Застаю художника за мольбертом, в синем, залубеневшем от красок халате, с головой, повязанной мо- рой тряпкой. В руках кисти, палитра и яр- остный труд вместо похмелья. Ни в чём, никаких поблажек себе и послаблений!

Именно в этом источник его мастерст- ва, основа его таланта и вдохновения. И он достиг полной свободы в творчестве. Свободна кисть, перед нею первобытный, девственный хаос красок на палитре. Тай- на цвета открыла ему свои недра. Под- властен мятёж начинаний, предчувствова- ний, замыслов. Душа раскрепощена. Она в полёте. Свобода рвётся из... свободы и воплощается в дерзости красок. Через них — глубина ощущений. Через них — си- ла мысли.

Овчинников глубоко чувствующий и ду- мающий человек. Он не революционер, не прерывающий, рвущий устои, опыт, на- работки веков и поколений. Ибо он мудр. Для него (для художника, для творца) главное на полотне — гармония, соедине-

ние враждующих красок в хоровод цвета, в единство чёрного и белого, а между эти- ми столпами живописи — инскажения, на- мёки, переливы, знаменья оттенков, то- нов, полутонов, загадочность тени, ликование искреннего света, то есть вся или почти вся цветовая безбрежность на- туры, сложность и противоречивое торже- ство жизни.

Вспомним хотя бы такие полотна Алек- сандра Ивановича как “Цветы моей роди- ны” или многофигурные композиции “Сбор картофеля”, “Проводы на фронт” или вы- дающуюся портретную работу “Конюх Аносов”, вдохновившую поэта Валерия Кузнецова на проникновенное стихотворе- ние о ней.

Иногда я вижу: земной шар в голубом нежном сиянии, а по нему, по странам и континентам идут босыми мужичьями но- гами художник Овчинников и из крестьян- ского родового лукошка свет живописные свои картины. Россия, Германия, Норве- гия, Франция, Испания, Индия, Индонезия, Америка, Китай... нет, всё не перечислить!

Полотна Александра Овчинникова и в государственных музеях, и в частных га- лереях и коллекциях. И они говорят со зрителями на языке всего человечества: на языке красок, на богатейшем языке цвета...

Звоню: “Алло! Можно Александра Ивано- вича?” — “Его нет дома, он в мастерской”.

И я представляю, как изо дня в день, чуть косопала (последствие полуголодно- го рахитичного детства), взбирается на шестой этаж в свою творческую мастер- скую заслуженный художник России вось- мидесятипятилетний Александр Иванович Овчинников и, облачившись в залубенев- ший от красок халат, берёт кисти, палитру с свежими красками и чуть избока, остро прищурившись, смотрит и оценивает то, что сделал вчера. И приступает к новой работе.

О творчестве Владимира Леонтьева

Слава богу, первую книжечку Владимира Леонь- ва я купил в молодости. Дома открыл и пока всю не прочитал, больше ни чем другим не занимался. Вот уж кто действительно был мастер. Три слова — узор. Открыл книгу и вроде в зимний берёзовый лес вы- шел, где на каждой веточке по гирлянде изморози. Искрылись они на морозном солнышке, покачиваются. И новость с чего душа такая же радуга счастьем уку- тывается. Вечер с его очерками посидишь, и кажется, заново русский язык понимать начинаешь. Умел Ле- онтьев положить перед глазами красоту. Особый дар был у Владимира Георгиевича обо- всем писать понятно, увлекательно,

Анатолий СТАТЕЙНОВ

Навстречу солнцу

светло. Пуще огня боялся он надуманного телевиде- нием или газетами слова. В его словесной кладочке каждый кирпичик руками потрогать хочется.

А вот в чём сроду никому из нас не получалось уг- наться за Володей, так это в умении отыскивать ин- тересных людей. Володя никогда не выдумывал их в своих очерках. Они действительно жили: непоседли- вые, талантливые, увлечённые.

В конце семидесятых годов мы вместе поехали в командировку в дальнюю деревушку Грязная Кирза. Кирза действительно оказалась неухоженной, раз- бросанной. На единственной улочке блаженствовали солидные табуны свиней, у палисадников тюлевыми узорами стелились линияющие выводки гусей, сон- ные телята, ещё кто-то.

Володя же на этой единственной улочке Кирзы, забитой скотом и птицей, увидел аккуратный домик с резной крышей и предложил зайти в него.

Надо постучаться. Мне кажется, с хозяином бу- дет интересно поговорить.

Володя не ошибся. В доме с резной крышей мы познакомились с животноводом, который пас совхоз- ных коров, и одновременно делал ... скрипки.

Да-да. Скотник мастерил самые настоящие скрип- ки и прекрасно играл на них. Жены скрипичных дел мастера дома не случались, потому он сам принялся угощать гостей. Как водится, на стол в таких быст- рых случаях ставят всё, что готово к употреблению и неделями не портится. Сало кусочками, солёные огурцы, хлеб, бутылочка белянской.

После дальней дороги перекусить было не грех. И гости, и хозяин дружно зазвенели вилками. Первой, естественно, опустела бутылка. Хозяин быстро сооб- разил, что серьёзного разговора без угощения не по- лучится, попросил минутку побыть без него. И дейст- вительно через мгновение был снова на пороге. В руках у него надёжно угнездилась уже две бутылки. Разговор стал свободней, проще, будто мы до засто- лья знакомы не менее ста лет. Хозяин принялся не- торопливо расписывать, как ходит каждую зиму в лес, выбирает дерево для будущей скрипки.

— Три берёзы стоят рядом, — разводил он руками словно пытался обнять эти три берёзы, — и у каждой свой звон. Как у человека голос, так у дерева звон. Берёза на стук дышит легко, как девка-невеста. Ох! А ель звонче, особенно, если не в низине, а на при- горке растёт, где посуше. Да в туман лесу нужно, чтобы до макушки без сучьев. Стукнул и слушаю. В одной берёзе вся жизнь леса записана, оркестр. День хожу слушаю, два, а потом раз и наткнёшься на дерево. Оно тебе само скажет: я — скрипка. Приме- тил, рубить не тороплюсь. В морозы постучу, в отте- пель, важно, чтобы оно умело петь в любую погоду.

Помню, как сейчас, я спросил у мастера, куда он девает свои скрипки.

— Пять скрипок уже сработал, — почему-то загрус- тил скотник, — две вон они, на полках. Одну в район забрали, в музыкальную школу, — посвежел он взгля- дом, — а две... разбились.

Мастер вздохнул при этом так обречённо, как че- ловек с неизлечимым диагнозом. Дескать, обидно, но спасти никак было нельзя.

Самобытного уельца, очевидно, мало слушали односельчане, а рассказать хотелось многое. Он принёс из сеней три чурки, молоток деревянный и стал показывать, как гудит каждое дерево. Лекцию, на самом манящем моменте прервала жена скрипа- ча. Женщина, судя по всему, достаточно решитель- ная. Сначала мы услышали, как она пуганула гусей и поросат у ворот, потом точно таким же зычным голо- сом отправляла их за стола нас.

Действия её были быстрыми, уверенными, при- вычными. Музыкальная чурка тут же перешла из рук мужа к ней, держала она её над своей головой и над нашими непутёвыми макушками наподобие палицы. В глазах хозяйки плескалась неугасимая решитель- ность победы, добыча правды. Но противника перед победителем не было. Мы, как и подсинки с крыль- ца, сочили за лучшее быстрой убраться. Сам скрипач, видимо, залез под стол, на улице позже мы его не видели. Однако в доме голос слышали.

— Галя, это же специалисты, слово у них, — пыта- ся что-то прикрикнуть он своей жене. — Забуддыги настоящие, — рубила Галя вялое со- противление мужа. — Поди только знают, что водку журт. Ни кола у них, ни двора своего и тебя в омут тянут. С такими без нитки останешься.

Через неделю в районной газете “Вперёд к комму- низму” появился рассказ Владимира Леонтьева о скрипаче. Пришло на него уйма писем. Очень уж по- нравился читателю этот прекрас- ный скотник из Кирзы. Написала Леонтьеву и жена мастера, Гали- на Васильевна винилась в негос- те приимстве, приглашала в

гости. По примирении сообщала, что не разобралась в ситуации. Думала, мол, к Сер- гею приехали стоящие неподалеку от деревни геоде- зисты. А пройдохи эти только горлом широким по- хвалялись и могут.

Многие удивлялись таланту Леонтьева. Откуда в этом деревенском парне, заочно окончившем Иркут- ский университет, была такая тяга к слову, редкост- ное умение показать человеческую красоту и даже душу людскую двумя-тремя фразами.

Вроде совсем небольшим получился у Володи рассказ о человеке, а не выходит из головы. На ра- боту идёшь — о скрипаче думаешь, с работы — снова о нём. Если скотник в далекой Грязной Кирзе нашёл себе интересное увлечение, то чем я хуже. Подзадо- ривал Леонтьев к добру.

Слово воспитывает, лечит, учит, хотя с другой стороны не у каждого писателя эта сила. Добро жи- вёт в настоящем таланте. Наш народ, кстати, как ни- какого другой, богат одаренными людьми: Пушкин, Есенин, Твардовский, Шолохов, Распутин, Белов, Дмитрий Балашов. Их книги обладают даром согре- вать самые холодные души.

Ну, скажите, родился ещё на какой-нибудь земле писатель, способный подарить своему народу “Ти- хий Дон”? Не случайно сегодня говорят, что в двад- цатом столетии это была лучшая в мире книга.

Сострадание всегда было отличительной чертой российских писателей. Вспомним книги Лермонтова, Рубцова, Евгения Носова. Или вернёмся к нынеш- ним сибирским мастерам: Анатолию Булыову, Влади- миру Топилину, Коле Гайдуку.

К сожалению, в нынешнем веке таланты не в осо- бую почёте. Завалили страну Чейзайми, Кристи, Кар- негами. Разве можно сравнить, к примеру, Анн и Сержен Голон с новостями Распутина? Распутен ис- кренне чист, духовен. Голон пуст, рассчитан на про- ставок и бездумие, даже безумие.

Но вернёмся к творчеству Леонтьева. Владимир Георгиевич до конца жизни был предан слову. Пове- сти писал, рассказы, очерки.

Часто-часто читаю Володю Леонтьева. Многие от- рывки из его очерков помню наизусть.

— Вжик-жух, вжик-жух — поют косы. Вжик-жух, вжик-жух, стелется по кошению тяжёлые валки.

Мы косим травы? Красный и белый клевер, меду- ницу, взыль, розовую кашку. Густой и мягкий пырей. Мы косим все это разнотравье, но только не трогаем и обходим стороной островок высокого в рост чело- века папоротника и бурьяна.

Мы идём навстречу солнцу. У каждого свой про- кос. Прокосы разные. У кого больше силы, больше сноровки — у того прокос шире и валки толще. Но главное не в этом — мы все идём навстречу солнцу”.

Всего три абзаца, а такая яркая картина деревни. Про какое время Леонтьев писал? Когда это люди считали работу праздником? Господи, боже мой, это же Россия! У нас всегда в почёте труд. Не коварство, хитрость и лизоболдство, а труд, правда и добрая улыбка. В любом русском селении вас всегда встре- ят с улыбкой и радостью. Так было, есть и будет. Пока живы мы с вами, а значит и наша Русь жива.

Ничего не меняется, устоим и на этот раз. Только уходят в небесные луга со своими косами старики, заливают их рядки века-туманы. Тихо, тихо стано- вится на лугах, дышит только небо. Но проглануло солнышко и на прежних рядках закаливается моло- дежь. Уверенно и настойчиво набирающие силу му- жики ведут свои рядки к солнцу. Так писал Володя Леонтьев, так есть и будет.

Уверен, его слово свяжет наше и будущие поко- ления. Пусть очерки Леонтьева — лишь маленькая пылинка на широкой дороге России. Чтобы заметить её нужно внимательно присмотреться. Дело не в ко- личестве написанного. Слово Володи живо в наших душах и зовёт к солнцу. Туда мы и пойдём. И нико- го не оттолкнём, ни с кем не будет спорить о нашей из- бранности: у солнышка тепла для всех хватит. Зна- чит и у России тоже. Она, матушка, заселена слав- ным народом, самая солнечная в мире страна и самая богатая талантами.

<p>Лимерики — вид древнерусской иронической поэзии. Забытый в России, он переживал в Ирландию, где особенно был популярен в городе Лимерик, отчего и получил название.</p> <p>После появления песни "Стюардесса по имени Жанна", припев у которой является по размеру классическим лимериком, этот жанр вновь вернулся в своё Отечество.</p>	<p>Самый известный современный сочинитель лимериков — Александр Сегень. Его лимерики, переведённые на все языки мира, кроме украинского, принесли Сегеню мировую славу, успех, сказочное богатство. Для новогоднего номера "Дня литературы" Александр Сегень любезно подготовил подборку своих лимериков, за которую ему пришлось выплатить баснословный гонорар.</p>
<p>***</p> <p>Не давайте говорить Иванову! Как начнёт он про жизнь нашу хренову... Разве это по-русски? Ведь черствеют закуски, Сохнет водка, а он всё по-нову!</p> <p>***</p> <p>Главный враг человечества — люди. Но попробуй, втолкуй это Люде! Веселится и жрёт. И в итоге помрёт. Вон, опять ей несут что-то в блюде!</p> <p>***</p> <p>Одной старой московской собаке Очень нравились польские фляки. И на то посмотрев, Хоть она и пся крев, Всё простили собаке поляки.</p> <p>***</p> <p>Человечеству нету спасенья От глобального облысения! Этот вывод ЮНЕСКО, Доведённый до блеска, Не сулит нам оволосения.</p> <p>***</p> <p>Неплохой был нефтяник Сорока. С ним жена поступила жестоко. Он сказал ей: "Ты — лучшая скважина!" Его морда обезображена, А от скважины нет больше прока.</p>	<p>***</p> <p>У Садама Хусейна шурин Трусават был, подлец, но гламурен. Осужден за измену, Замурован был в стену, Но изысканно заштукатурен.</p> <p>***</p> <p>Бывший повар Литинститута И студент Алексей Таратута Звали в Ясной Поляне Льва Толстого по пьяни, И Толстой откинулся: "Я тут!"</p> <p>***</p> <p>Оператор Сергей Коромыслин Имел творчески смелые мысли. А в кино не попал, Ведь девчонок снимал Не совсем в операторском смысле.</p> <p>***</p> <p>Будапештка по имени Жука Как чуть что, обижалась на мужа. Вот он лёг под гранит, Снова море обид: "Он нарочно! Без мужа ж мне хуже!"</p> <p>***</p> <p>Дочь украинского дипломата Вшла замуж за психопата, Просто этот шакал Ей однажды сказал: "Ты Европа, а я твоё НАТО".</p>

***

Расскажу об одном эфиопе.
У него был дефект в ректоскопе.
С ним он в небо глядел,
Звёзды видеть хотел...
Возмущался: "Темно, как в Европе".

***

У профессора Виктора Глебова
Никогда со студентами не было.
Он домой их водил
И шампанским поил,
Но лишь формул каких-то
всё требовал.

***

Жрал лягушку Иосип Броз Тито
Килограммами от брозатита.
И в течение суток
Принимал брозтитуюток.
Это вам не Хрущёв, не Никита!

***

Зубной техник на острове Куба
Вразумляет жену свою: "Люба!
В мире есть красота
Только в полости рта!
Ну зачем, ну зачем тебе шуба?"

***

Что за люди на Заячем острове!
Одного били финками острыми,
Сорок шесть ножевых,
Но остался в живых
И наутро скакал за медсёстрами.

***

Скромный член
Карамизинского общества
Забывал карамизинское отчество.
И, поднявши бокал,
Со стыдом умолкал...
И лакал,
погружаясь в одиночество.

***

Есть в Толедо красивый обычай:
Пред обедом подёргай хвост бычий.
Убейшиш от быка —
Не намнёт он бока,
Ну а нет, станешь бычьей добычей.

***

С переделькинской дачи Катаева
Два китайца стащили kota его.
Кот был старый, паршивый,
Облезлый и вшивый...
Но отравили, всё же, в Китай его.

Лимериканская агрессия

***

Возмутились коровы в Мадриде:
"Лишь быков допускают к корриде!
Вот везуха быкам!
Как и всем мужикам...
Молока не дадим! Мы в обиде!".

***

У орлов в зоопарке Берлина
Взор немецко-фашистско-орлиный.
Так смотреть у мака
Не выходит никак.
У ослос взгляд и вовсе ослиный.

***

Знаменитая башня в Париже
С каждым годом становится ниже.
Наш российский посол
В том причину нашёл,
Что французский народ
стал пожиже.

***

Говорят, что один римский папа
Подготовил указ в пользу храпа:
Чтоб на мессах не петь,
А на весь храм храпеть...
Вот бывает, как действует граппа!

***

За окном рассуждает синица:
— Долго эти там будут селиться?
В моём доме живут,
Хлеб мой

тоннами жрут!..
Надо к Путину
мне обратиться.

***

До сих пор
ни в одном
русском храме

Александр СЕГЕНЬ

Нет икон, посвящённых Обама.
Здесь не курят табак
И не крестят собак,
Не венчают парней с мужиками.

***

Счетовод по фамилии Лесин
Для народа был неинтересен.
Ведь в речную волну
Не швырлял он княжну,
И народ не сложил о нём песен.

***

Снилось старой усталой креветке,
Что теперь она — птичка на ветке,
Сладко песни поёт,
Спать всю ночь не даёт
Незамужней, скукающей шведке.

***

Он родился с ней вместе в роддоме,
С ней всю жизнь проработал в райкоме...
Но жениться Иван
Не решился, болван.
А венчались, он был уже в коме.

***

Тяжко жить было древнему укру!
Как проснётся, бедняга, поутру —

Так и сходит с ума:
Москалей ще нема,
А без газу ему ки без цукру.

***

Есть на Марсе совет по планетам.
Заседал больше тысячи лет он.
Наконец, дал ответ:
"На Земле жизни нет,
И вообще интересного нет там".

***

В акушерку влюблён доктор Гриддит.
Но взаимной любви он не видит.
Акушерка в ответ
Говорит ему: "Нет!
И не туешься, не туешься, не выйдешь!"

***

Три нахальных плейбоа в Неаполе
Всех туристов бесовестно лапали,
Но от русских парней
Получили люлей
И в слезах к своим жёнам почкапали.

***

В электричку влюблён скорый поезд.
Манит в поле, где травы по пояс.
Но она ему: "Стой!
Ишь ты, скорый какой!
Под откос вверх колёсами то ешь?"

***

Раньше люди писали нетленку,
А теперь вы творите растленку.
Секс, наркотики, мат...
Где там мой автомат?
Господа, не царапайте стенку!

***

Вы смеётесь, господа,
а при Сталине
К стенке без суда
за лимерики ставили.
Так погиб Пастернак,
Лилия Брик и Маршак,
К ним туда и Окуджаву добавили.